

В.М. Дорошевич

Собрание сочинений

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.М. Дорошевич**
Собрание сочинений: Том 1 / В.М. Дорошевич – М.: Книга по Требованию,
2013. – 268 с.

ISBN 978-5-518-01116-8

ISBN 978-5-518-01116-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А передъ магазиномъ оптика подождать даже, пока приказчики откроютъ окна, чтобъ посмотрѣть на настоящій маленькій паровозъ на рельсахъ, который онъ собирался три года „накопить денегъ отъ завтраковъ и купить“

Но не могъ исполнить этого, потому что каждое утро свой пяточокъ проѣдалъ.

Въ гимназію Ивановъ Павелъ пришелъ передъ самымъ звонкомъ, и сердце его вдругъ наполнилось тревогой.

Сегодня его должны вызвать изъ латини.

Онъ хотѣлъ утромъ въ гимназіи подзубрить. Когда же теперь?

Онъ чувствовалъ страшное безпокойство во всемъ своемъ существѣ. И всѣ кругомъ чувствовали боязнь и безпокойство. Бѣгали, играли, кричали, но все это такъ нервно, словно они хотѣли шумомъ и крикомъ заглушить внутренній безпокойный голосъ.

Товарищи кинулись къ Иванову Павлу и закричали:

— Что жъ ты, Деветъ, а такъ поздно приходишь. Тутъ безъ тебя битва была. Иди къ Крюгеру.

На что Ивановъ Павелъ раздраженно крикнулъ:

— Убирайтесь отъ меня къ чорту! Дуракъ ты, а не Крюгеръ.

— Такъ и ты не Деветъ, а свинья! — сказалъ обиженный Крюгеръ.

И всѣ закричали:

— Господа! Господа! Ивановъ больше не Деветъ!

Крюгеръ далъ ему кулакомъ въ бокъ, за что Ивановъ Павелъ сдѣлалъ ему подножку.

Въ эту минуту ударилъ звонокъ.

— На первомъ урокъ выучу! Русскій меня не спросить.

Но Николай Ивановичъ, „русскій“, вошелъ въ классъ и послѣ молитвы объявилъ:

— Господа, диктантъ!

У Иванова Павла сердце упало.

Диктантъ длился цѣлый часъ, и когда пробили звонокъ и началась первая перемѣна, къ Иванову Павлу подлетѣли товарищи:

— Ты какъ смѣлъ Костюкову подъ ножку давать? Подъ ножку нельзя! Не по правиламъ!

— Господа! Мнѣ надо латынь подзубрить!— объявилъ было Ивановъ Павель, но всѣ закричали:

— Трусъ! Трусъ!

А Мозговъ Игнатій крикнулъ:

— Какой же ты второй силачь въ классѣ?

Это ужъ былъ вопросъ самолюбія. Ивановъ Павель вышелъ изъ-за парты и сказалъ:

— Ставься! Беру на лѣвую ручку. Много ли васъ на фунтъ сушеныхъ?

— Подъ ножку не давать! Подъ ножку не давать!— кричали товарищи.

А первый силачь въ классѣ стоялъ около, готовый каждую секунду вступиться.

Мозговъ кидался и съ фронта и съ бока, но Ивановъ отшибалъ его каждый разъ и здорово приложилъ объ парту, какъ ударилъ звонокъ, и всѣ кинулись по мѣстамъ.

Въ коридорѣ раздались медленные, мѣрные шаги чеха-латиниста, словно шаги каменнаго командора.

У Иванова Павла вдругъ зачесалось все тѣло.

— Встуаньте! — дѣлая знакъ рукой, сказалъ чехъ-латинистъ.

Всѣ встали.

— Сайтеся! — объявилъ чехъ-латинистъ, опуская руку.

Всѣ сѣли.

— Встуаньте! — опять крикнулъ онъ.

Опять всѣ встали.

— Сайтеся! — опять сказалъ чехъ-латинистъ.

Опять всѣ сѣли.

Продѣлавъ такъ четыре раза, чехъ-латинистъ сѣлъ на каеэдру, отмѣтилъ отсутствующихъ, объяснилъ слѣдующій урокъ и ваялся за журналъ.

— Господи! Не меня! Не меня! — зашепталъ Ивановъ Павелъ и началъ часто-часто креститься подъ партой.

Чехъ-латинистъ поводитъ пальцемъ по журналу и воскликнулъ:

— Мозгоу!

— Не меня! Не меня! — выигралъ душой Ивановъ Павелъ.

Онъ сидѣлъ, низко-низко пригнувшись къ партѣ, и подъ столомъ давалъ ногою пинка сидѣвшему впереди высокому Веретенникову.

— Сиди выше! Сиди, говорятъ тебѣ, выше! Чтобъ меня не увидалъ.

Я и такъ высоко сижу! — шепталъ въ отвѣтъ Веретенниковъ, подложилъ подъ себя двѣ книги и вытянулся въ струнку.

— Выше, говорятъ тебѣ! Выше! Чтобы не видно было! — лупилъ его подъ столомъ Ивановъ.

— Да некуда выше! — огрызался Веретенниковъ.

— Уеретенниковъ Никуаи! Вы чеуо тамъ разгуариваете? — раздался вдругъ голосъ чеха. — Съ кѣмъ? Уотодвиньтесь!

И онъ пристально воззрился въ пригнувшася къ партѣ Иванова Павла.

Ивановъ Павелъ чувствовалъ, какъ у него кровь приликала къ головѣ и горѣли уши.

Онъ сидѣлъ, нагнувшись, не смѣя взглянуть на чеха, но чувствовалъ на себѣ его пронизывающій взглядъ.

Весь классъ молчалъ. Мертвая тишина царила.

„Спросить! Спросить!“ словно въ предсмертномъ томленьѣ подумалъ Ивановъ Павелъ и полѣзъ подъ парту.

Но съ кафедръ раздался голосъ:

— Куда уы? Остуаньтесь!

Ивановъ замеръ.

Прошла еще тягостная, безконечная минута.

Чехъ водилъ пальцемъ по журналу и, наконецъ, сказалъ:

— Ивановъ Павелъ!

Ивановъ Павелъ подкапчивающимися ногами пошелъ къ доскѣ.

— У уасъ въ прошлый раузъ була двуойка, — медленно и съ разстановкой началъ чехъ, — вуамъ нуадо пупруавиться. Пупруавьтесь!

Ивановъ Павелъ мигалъ, дрожалъ, краснѣлъ, блѣднѣлъ.

— Позвольте вамъ сказать, Оскаръ Викторовичъ...

— Гуоворите! — объявилъ чехъ. — Гуоворите! Уасъ уызвали зуатѣмъ чтуобъ вы гуоворили! Мы ждѣемъ, чтуо скуажетъ Ивуановъ Пуавель!

— Позвольте вамъ сказать, Оскаръ Викторовичъ...— началъ было Ивановъ Павелъ и хныкнулъ.

— Не плуачьте! Не нуадо плуакать!— остановиль его чехъ.— Куакія вы знуете *pluralia tantum*?

Ивановъ Павелъ безпомощно оглянулся на классъ. Первый ученикъ, Патрикѣевъ Николай, съ оттопырившимися ушами сидѣлъ на первой скамейкѣ и сквозь очки ѣлъ чеха глазами, молилъ его:

— Спросите меня! Меня спросите, Оскаръ Викторовичъ, про *pluralia tantum*!

Постыиковъ Алексѣй поднималъ уже руку и показывалъ испачканную чернилами ладонь, готовый вотъ-вотъ сорваться съ мѣста и забарабанить.

Мозговъ показывалъ Иванову языкъ. Костюковъ дѣлалъ въ воздухъ знакъ:

„Коль“!

„Всѣ, подлецы, рады, что я не знаю!“ подумалъ Ивановъ Павелъ и вдругъ почувствовалъ себя такимъ обиженнымъ, такимъ маленькимъ, такимъ несчастнымъ, что слезы полились у него изъ глазъ.

— Я... я... нниккаккихъ... не... не... знаю... *pluralia... pluralia... tantum*!

— Ивановъ Павелъ не знаетъ никуакихъ *pluralia tantum*!— вдругъ словно съ изумленіемъ воскликнулъ чехъ такимъ громкимъ голосомъ, что въ коридорѣ отдалось эхо.

Классъ хихикнулъ.

— Уаши уши, Ивановъ Павелъ, будетъ уэто *pluralia tantum* или нѣтъ?

Классъ насторожился, предчувствуя спектакль.

Ивановъ Павелъ началъ икать и всхлипывать:

— Уотвѣчайте!

— Не знаю! — робко пробормоталъ Ивановъ Павелъ.
Классъ фыркнулъ и расхохотался.
Ивановъ Павелъ оглянулся, какъ затравленный звѣрекъ.

— Иуановъ Пуавель нукогда не видуаль своихъ ушей! — объявилъ чехъ-латинистъ.

Классъ надрывался, рыдалъ, катался отъ хохота.

— Суадитесь...

— Оскаръ Викторовичъ, у меня голова!.. — сдѣлалъ Ивановъ Павелъ шагъ впередъ.

— У всеаукаго челоуэка есть гуолова! — объявилъ чехъ, взялся за журналъ и обмакнулъ перо.

— Оскаръ Викторовичъ! — съ отчаяніемъ воскликнулъ Ивановъ Павелъ.

— Суадитесь! — сказалъ латинистъ и провелъ въ журналъ перомъ сверху внизъ.

Весь классъ показалъ Иванову Павлу по пальцу.

А Патрикѣевъ Николай зашепталъ:

— Садись же! Садись же!

И поднялъ руку

— Я знаю, Оскаръ Викторовичъ, *pluribus tantum!*

Ивановъ Павелъ съ воемъ прошелъ на свое мѣсто и, сѣвши, завылъ еще сильнѣе.

— Иуановъ Пуавель плуачетъ, — объявилъ чехъ, — пусть выйдетъ зуа дверь и стуанетъ плуакать туамъ.

Ивановъ Павелъ вышелъ за дверь, сталъ въ коридорѣ — и въ классъ доносились его рыданія.

Время отъ времени онъ появлялся въ дверяхъ съ краснымъ лицомъ, мокрымъ, вымазаннымъ чернилами, поднималъ руку и говорилъ:

— Ос... Ос... Оскаръ... Вик... Вик... Викторовичъ...

Но чехъ спокойно отвѣчалъ каждый разъ:

— Стуаньте въ кауоридорѣ!

И продолжалъ допрашивать учениковъ.

Такъ кончился урокъ. Слѣдующимъ урокомъ былъ батюшка.

— Ивановъ Павелъ, чего слезы льешь, неутѣшно рыдаешь, словно избѣенный младенецъ?—спросилъ батюшка.

— Мнѣ... мнѣ... Оскаръ Викторовичъ... колъ... колъ... колъ поставилъ!—отвѣтилъ, всхлипывая, Ивановъ Павелъ.

— Уроки надо учить съ прилежаніемъ, Ивановъ Павелъ, а не плакать!—замѣтилъ батюшка.—Пойди и умойся, потому что похожъ ты на чучело!

Ивановъ пошелъ, умылся и, вернувшись въ классъ, спросилъ у сосѣда записную тетрадку и переписалъ въ нее всѣ заданные уроки на двѣ недѣли впередъ, рѣшивъ съ этой самой минуты учить уроки не иначе, какъ наизусть.

Это рѣшеніе его нѣсколько успокоило и пробудило въ его сердцѣ надежду:

„Можетъ, и простить. Впередъ буду хорошо учиться“.

Онъ сидѣлъ и мечталъ:

„Буду первымъ ученикомъ. Пятерки по главнымъ предметамъ домой принесу. Мама мнѣ комнатную гимнастику повѣситъ“.

Но, вспомнивъ про маму, опять началъ всхлипывать. Тяжелыя предчувствія сжали ему сердце. Ему стало тяжело, тревожно, безпокойно.

И какъ только пробилъ звонокъ, Ивановъ, спибая съ ногъ встрѣчныхъ, сломя голову бросился къ учительской и сталъ у дверей.

Была большая перемѣна.

Гимназисты шумѣли внизу. Изъ-за затворенныхъ дверей учительской доносились разговоры, смѣхъ.

У дверей учительской стояли двое: Ивановъ Павелъ и другой ученикъ, тоже 2 класса, но другого отдѣленія, Никаноръ Ивановъ, самый слабосильный въ классѣ.

— Ты къ кому?—спросилъ самый слабосильный.

-- Къ Оскару Викторовичу, колъ поставилъ. А ты?

— Къ нѣмцу!—отвѣчалъ самый слабосильный.—За шумъ оставилъ!

И оба заплакали.

Такъ плакали они вмѣстѣ минутъ пять.

И, наконецъ, самый слабосильный сказалъ голосомъ, прерывавшимся отъ всхлипываній:

— Хочешь старое наполеоновское перо на новое восемьдесятъ шестое мѣнять?

— У меня восемьдесятъ шестыя всѣ со свинчаткой!—всхлипывая, отвѣтилъ Ивановъ Павелъ.—Хочешь я тебѣ за наполеоновское съ вѣточкой старое перо дамъ и немножко снимки дамъ?

— Ишь ты какой!—отвѣтилъ уже болѣе живо слабосильный.—На что мнѣ твоя снимка? Я самъ снимку жую!

И вынулъ изъ-за щеки кусокъ черной резины.

— Такъ твоя жеваная, а моя съ керосиномъ варена!—запальчиво отвѣчалъ Ивановъ Павелъ.—Щелкать можно. Хочешь, я тебѣ объ лобъ щелкну?

— Щелкни!

— Ишь какъ хлопаетъ!

— А дай мнѣ самому щелкнуть!

— Нѣтъ, братъ! Снимка, она къ рукамъ прилипаетъ. Не дамъ!

— Да что я, украду твою снимку-то?

— И украдешь!

— Самъ ты жуликъ! Жулье! Жулье! И снимка твоя дрянъ!

— Что-о? Ты какъ смѣешь мою снимку ругать? А?

Ивановъ Павелъ далъ самому слабосильному подъ ножку,—въ эту минуту двери отворились, и изъ учительской вышелъ чехъ-латинистъ.

— Друаться здѣсь? Уопять Иуановъ Пуавель! Стуаньте къ стѣну. Уостанетесь на уодинъ часъ!

— Оскаръ Викторовичъ!—кинулся Ивановъ къ чеху и схватилъ его за фракъ.—Оскаръ Викторовичъ!

— Стуаньте!

— Оскаръ Викторовичъ! Оскаръ Викторовичъ! Я буду хорошо учиться!..

Латинистъ сходилъ съ лѣстницы.

— Оскаръ Викторовичъ! Оскаръ Викторовичъ!—кричалъ Ивановъ.

— Кто здѣсь кричитъ? Вы здѣсь кричите? — раздался громкій голосъ директора, выходявшаго изъ учительской.

Все стихло.

Не слышно было даже всхлипываній.

Камень лежалъ на груди у Иванова. Онъ сидѣлъ, вздыхалъ и съ покорностью повторялъ про себя:

— Ну, что жъ дѣлать! Что жъ дѣлать! Пускай!

Затѣмъ ему что-то приходило въ голову, отъ чего его всего ежило и корежило. И онъ спѣшилъ отогнать отъ себя страшную мысль:

— А можетъ, и не будутъ!

На французскомъ языкѣ онъ немножко поуспокоился и даже сыгралъ подъ партой въ перышки, но безъ всякаго увлеченія.

Когда же передъ концомъ послѣдняго урока, ариеметики, надзиратель зашелъ въ классъ и объявилъ:

— Записанъ и остается Ивановъ Павелъ на одинъ часъ!

Ивановъ заерзалъ на мѣстѣ, чувствуя какія-то судороги, которыя пошли по тѣлу, и окончательно упалъ духомъ.

Гимназія съ шумомъ разошлась и опустѣла. Только въ одномъ классѣ сидѣло человѣкъ десять оставленныхъ, и среди нихъ Ивановъ Павелъ.

Старшіе шушукались между собой и чему-то смѣялись, младшіе плакали.

Дежурный надзиратель сидѣлъ на каедрѣ и писалъ записки родителямъ.

— Ивановъ Павелъ!

И онъ вручилъ Иванову записочку:

„Ивановъ Павелъ, 2 класса 1 отдѣленія, за единицу изъ латинскаго языка, за шумъ и драку во время большой перемѣны оставленъ на 1 часъ послѣ уроковъ. Помощникъ классныхъ наставниковъ А. Покровскій“.

Ивановъ Павелъ, который все время сидѣлъ и обдумывалъ, какъ онъ окончательно исправится, и получалъ уже въ мечтахъ своихъ похвальный листъ и книги изъ рукъ самого директора, взялъ записку и разревѣлся:

— Какой же шумъ? Я никакого шума не дѣлалъ. Я только дрался.

— Завтра принесете съ подписью родителей!—объявилъ надзиратель, и въ половинѣ четвертаго сказалъ:—Ступайте!

Уныло и жутко было выходить изъ гимназіи по пустымъ, молчаливымъ заламъ, уныло и жутко было